

К НАЧАЛУ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

И ПОБЕДИТЕЛИ ИЗВЛЕКАЮТ УРОКИ!

ПОЗАДИ — московские гастролеры, впереди — новый театральный сезон. Серьезный успех Хабаровского театра драмы в Москве, естественно, призван определить сегодня меру требовательности коллектива к своему творчеству, с которой только можно плодотворно работать, двигаться вперед. А для этого необходимо оглянуться назад и трезво, взыскательно разобратся в реальных достоинствах и реальных недостатках выступлений театра в столице. Особенно же выпукло эти достоинства и эти недостатки могут обозначиться в сравнении гастролей дальневосточников с гастролерами в Москве горьковчан и оренбуржцев.

Гастрольный репертуар Хабаровского театра драмы позволяет говорить о том, что коллектив и его руководство не хотят идти проторенными тропами, способны к самостоятельному поиску, к творческому дерзанию. И обращение к написанной в начале тридцатых годов пьесе Е. Яновского «Ярость», которой хабаровчане дали новую сценическую жизнь одновременно с псковичами, и включение в репертуар замечательной гуманистической драмы выдающегося ирландского писателя-коммуниста Шона О'Кейси «Костер епископа» свидетельствуют именно об этой способности театра.

Однако и в дерзании своем, и в поисках самостоятельных репертуарных путей театр, видимо, еще недостаточно последователен и активен. Вряд ли следовало бы включать в гастрольный репертуар (а может быть, и в репертуар вообще) не очень ясную и четкую по мысли, весьма несовершенно художественно пьесу А. Арбузова «Мой бедный Марат». Как бы по-своему ни прочитал ее театр, превратить образ Марата — человека, не способного сойти с прошлого с настоящим, человека, совершающего свои поступки преимущественно по воле других людей, — в полноценный образ современника попросту невозможно. Еще Белинский писал в свое время о невозможности для актера сделать расплывчатый характер конкретным, равнодушный пыльным и т. п.

То, что театр последовательно работает со «своим» драматургом В. Шагиным, осуществляя постановки одной его пьесы за другой, в принципе заслуживает поддержки. Но пока еще только в принципе. И привезенная в Москву «Семья Плаховых», и «Разбухшая совесть», которую доверилось мне смотреть в исполнении других театров, — произведения художественно слабые. В них есть интересные мысли, интересные сцены, интересно намечены характеры, но все это уживается с решениями стандартными, мыслями шаблонными, образами, выписанными поверхностью. И если есть в коллективе такой одаренный в области драматургии человек, как В. Шагин, так не грех проявить к нему самую высшую меру требовательности, постоянно предупреждая его от торпливости и нетребовательности к самому себе, от решений приблизительных и скороспелых. Пьесы Шагина сценичны — этим и объясняется их довольно широкое распространение по стране, — но это еще не значит, что они по-настоящему художественны и идейно значительны.

Главное же (из-за чего я и сказал не только о недостаточной последовательности, но и о недостаточной активности репертуарных исканий театра) — в гастрольном репертуаре хабаровчан отсутствовали произведения о героических делах дальневосточников, о нынешнем, завтрашнем и вчерашнем днях Дальнего Востока. А как нужен театру такой романтически-приподнятый спектакль о дальневосточниках! Ему по плечу создание такого спектакля, органически, естественно сочетающего в себе реалистическую трезвость с романтической открытостью. Это лучше всего доказывает постановка «Ярости».

БЕССПОРНЫМ достоинством репертуара Хабаровского театра является наличие в нем ряда произведений внутреннего масштаба, обладающих глубоким философским содержанием, художественно правдивых и сильных. Это — и «Царь Федор Иоаннович», и «Ярость», и «Король Лир», и «Костер епископа». Но крайне огорчительно, что в репертуаре наших дальневосточных гостей не оказалось ни одного значительного произведения о нынешнем дне созидательной жизни народа.

Это — посчет безусловный и наиболее серьезный. И о нем надо говорить особо в силу того также, что такого спектакля не было в репертуаре ни горьковчан, ни оренбуржцев.

Надо со всей открытостью и честностью признать, что на нашей сцене за последнее время вообще появилось крайне мало спектаклей о современности, а имею в виду — спектаклей большого общественного дыхания; гражданственных, публицистически страстных, раскрывающих мир современника во всей его глубине, полноте и богатстве. И если бы хабаровчане записались застрельщиками в создании таких спектаклей, было бы и радостно, и здорово!

Словно бы в пику другим коллективам Хабаровский театр не привез в Москву ни одной инсценировки. Можно согласиться с тем, что инсценировка, как бы хороша она ни была, всегда оказывается ниже оригинала, всегда в известной мере ограничивает актерские возможности. И все же когда недостает художественно-значительных, богатых содержанием и мыслями оригинальных драматических произведений о современности, сценическое воплощение талантливого романа или повести — один из возможных путей обогащения репертуара. И это вовсе не значит, что нужно «идти по выбитым следам» и ставить то, что уже поставлено в других местах. Только в прошлом сезоне, к примеру, Куйбышевский и Новосибирский театры драмы в содружестве с авторами удачно инсценировали некоторые значительные произведения современной прозы.

Впрочем, я глубоко убежден, что Хабаровский театр драмы вполне мог бы, во-первых, отыскать среди пьес последних четырех — пяти лет талантливые произведения драматургии, незаслуженно обойденные театрами (отыскали же, например, таганрожцы отличную пьесу Л. Разманова «Камеша, хинутый в тихий пруд»), и, во-вторых, создать в содружестве с «местными» или «не местными» авторами интересные, оригинальные произведения. Сетовать на недостаточность полноценного современного репертуара, исходить лишь из того, что есть, — удел слабых. А к слабым Хабаровский театр драмы не несешь!

Однако формирование репертуара — это только часть забот театрального коллектива. Не менее важно и то, как этот репертуар воплощается сценически. И здесь впечатления от гастролей так же сложны и противоречивы.

Осуществленная главным режиссером Я. Цициновским постановка «Ярости» явилась подлинным триумфом театра в Москве. По гражданскому темпераменту, страстности и глубине политической мысли, тщательности разработки и художественной выразительности — и ряда массовых сцен, и многих индивидуальных эпизодов — равного по силе спектакля не было ни у горьковчан, ни тем более у оренбуржцев. Постановка «Ярости», наглядно и убедительно продемонстрировавшая режиссерское мастерство и талант постановщика, незаурядные творческие возможности актерского коллектива, дела зрителя возможным ощутить неразрывную слиянность в

Ю. ЗУБКОВ,
главный редактор журнала
«Театральная жизнь»

потоке исторического движения судьбы человеческой с судьбой народной.

Своим спектаклем «Ярость» Хабаровский театр как бы ввязался в споры, ведущиеся не первый год по поводу проблемы положительного героя, и сказал слово, достаточно веское и внушительное.

Стоит в этой связи напомнить, что «Ярость» была написана именно в те годы, когда Горький говорил о том «счастливом положении», в котором находится, по его мнению, советские драматурги. «Они, — писал Алексей Максимович, — имеют перед собой героя, которого еще никогда не было, он прост и ясен так же, как великий, а велик он потому, что непримирим и мятежен гораздо больше, чем все дон-Кихоты и Фаусты прошлого». Не знаю, обрадовались ли непосредственно и этой мысли основоположника социалистического реализма хабаровчане, когда готовили «Ярость», но именно такими, как видел их Горький, предстают в спектакле образы людей нового мира. И утверждая сегодня нравственное величие таких людей, как Марфа и Семен Коваровы, Степан Глоба, спектакль говорит зрителю (и прежде всего зрителю молодому) о героизме и беззаветности в служении идеалам революции поколения отцов и матерей, воспитывает зрителя силой действительного примера.

К СОЖАЛЕНИЮ, ни один из спектаклей театра, показанных во время гастролей в Москве, не встал ровным с «Яростью». Ни «Камешки на ладони», где при наличии ряда интересных актерских работ, своеобразного режиссерского решения недостаточно выявлена мысль о патристизме советского человека — как явлении типическом, и о предательстве и подлости — как явлении исключительном. Ни «Машенька», где тончайшим, глубоким пиризм афиногеновской пьесы оказался отнесенным элементарно развлекательности и упрощенности. Ни «Царь Федор Иоаннович» — спектакль, как можно было видеть, порядком подразболевшийся, страдающий разнообразностью и актерским разнообразием.

Это не значит, что в этих спектаклях нет интересных актерских работ, режиссерских находок, талантливо сыгранных сцен. Но это значит, что спектаклям этим недостает художественной целостности, глубины и емкости мысли, страстности, отличающих постановку «Ярости».

Интересные актерские работы есть даже и в спектакле «Костер епископа». Тем не менее о спектакле этом следует говорить — да московская критика так единодушно и сказала — как о поражении театра. Правда, это поражение при поиске, и далеко не каждому коллективу дано вести поиск на таком трудном и сложном материале, как пьеса Шона О'Кейси. Но все же — о поражении, ибо раскрыть и передать глубину, объемность и внутреннюю противоречивость характеров людей, которыми населил автор свое произведение, театр в

большинстве случаев не смог. Поэтому многие характеры приобрели в спектакле столь несвойственные им плоскостность и прямолинейность. Да и философские мысли автора немало потеряли в своей глубине и содержательности в передаче театра.

Таким образом, едва ли не первоочередным и острейшим становится для театра вопрос о мере взыскательности к своему творчеству. Идеальная глубина, страстная партийность, впечатляющая художественная сила спектакля «Ярость», даже при имеющихся и в нем некоторых частных недостатках, сообразно при определении ценности и достоинства других работ коллектива. Показав такой значительный спектакль, как «Ярость», театр как бы лишает себя внутреннего права работать ниже этих возможностей, выпускать не только сценический брак, но и даже сценические полуфабрикаты.

В Хабаровском театре собраны своеобразные, глубокие и яркие актерские индивидуальности — М. Храбров и А. Егоров, Н. Медведева, М. Барашкова и Е. Павловская, М. Митин и Б. Ильин, В. Гаврилов и В. Калинин, В. Шагин и М. Кацель и некоторые другие. И вспоминая некоторые сценические образы, созданные ведущими мастерами театра, я был бы склонен объяснить слабости и просчеты при воплощении других образов естественным волнением, связанным с гастролерами в столице. Но в статье, подводящей итоги выступлений хабаровчан в Иркутске и перепечатанной «Тихоокеанской звездой», газета «Восточно-Сибирская правда» также писала о том, что в ряде случаев доверие актера зрителю подменяется заигрыванием с ним, о логике за реакцией зала как о самоцели, о проявлении дурного вкуса, старомодности и т. п. Следовательно, все эти недостатки носят не случайный, а временный характер, а пока еще бытуют в коллективе, присущи его творческой манере.

И если, скажем, горьковчане и не показали в Москве ни одного спектакля, равного по силе «Ярости», то и многих минусов и просчетов, свойственных спектаклям Хабаровского театра, в их спектаклях также нельзя было обнаружить. И хотя использование актеров в Горьковском театре драмы также не называлось идеальным, на спектаклях хабаровчан особенно остро замечалась неравномерность этого использования, то, что руководство театра в основном ориентируется на сравнительно узкий круг актеров.

ВОЗМОЖНО, что кое-кто из читателей посмеется на меня за то, что я столько места уделяю недостаткам, а то время как гастролеры в целом прошли удачно, и не говорю о некоторых очень крупных актерских достижениях театра. Спорю нет, эти достижения есть. Стоит только вспомнить царя Федора — М. Храброву, Марфу Коварову — Н. Медведеву, Семена Коварова — А. Егорову чтобы с полным на то основанием утверждать: этому уровню творчества (да простится мне подобный канцеляризм!), этой ступени эмоционального накала, психологической глубины, внимания к «жизни человеческого духа»

могут позавидовать многие московские и ленинградские актеры. И все же эти достижения — результат работы уже проделанной, а когда думаешь о завтрашнем дне театра, хочется прежде всего обратить его внимание на все то, чего он мог бы при ином уровне требовательности избежать — и не избежать.

Отсюда возникает и первое — в заключение — пожелание театру: направить свои усилия на преодоление всего того, что мешает раскрытию и осуществлению всех его богатых и далеко еще не исчерпанных творческих возможностей.

Пожелание второе: режиссуре и актерам театра сохранить верность своему коллективу, Дальнему Востоку.

Не исключено, что мастерам Хабаровского театра, пленявшим не только московского зрителя, но и руководителей столичных, ленинградских и периферийных коллективов, последуют предложения переместить место работы и жительства.

Хочется напомнить в этой связи о том, что талант хрупок и далеко не всегда, не во всякой среде и не во всяких условиях раскрывается с истинной глубиной и полнотой. Можно привести немало примеров, как талантливые актеры, перейдя из театра, ставшего для них родным домом, в другой, даже более крупный, многое утрачивали в своем даровании, а сила своего воздействия на зрителя.

И, наконец, пожелание третье: достойно встретить пятидесятилетие социалистической революции, которое уже не за горами. И встретить не только спектаклями, воссоздающими страницы истории нашего общества, но и спектаклями о нынешнем дне народа — строителя и борца, спектаклями, рассказывающими о трудовых буднях советского человека одновременно и реалистически правдиво, и романтически взволнованно.

Счастливы победители, у которых не кружится голова от успехов. Победители, умеющие извлекать уроки из своего опыта. Хабаровский театр драмы высшими своими творческими достижениями как раз убеждает, что он относится к победителям такого рода.

Будем в это верить и будем на это надеяться!